

Тринадцатый принц в ярости пнул табурет, так что тот с грохотом покатился по полу, и покосился на соседние покои. Оттуда доносился тихий, безумный смех:

— Ваше Величество... смотрите, это наш сыночек...

Му Юаньюн резко рванулся вперед. В спешке он споткнулся о поваленный табурет, но даже не заметил этого.

Спотыкаясь на ходу, принц ворвался в комнату, и Кон Цзяцзы поспешил за ним.

Переступив порог, слуга увидел, что Му Юаньюн стоит прямо перед своей безумной матерью. Принц почернел от гнева и крепко сжал кулаки.

У Кон Цзяцзы замерло сердце. Он порывался сделать шаг вперед, но в этот миг Му Юаньюн грубо вырвал подушку, которую женщина нежно прижимала к груди, и отшвырнул ее в угол. Десятилетний мальчик исказился от недетской ярости.

— Сыночек, сыночек! — закричал он. — Твой сын стоит прямо перед тобой! Но ты на меня даже не смотришь!

Женщина попыталась было потянуться за улетевшей подушкой, но принц, не обращая внимания на ее жалобный лепет, мертвой хваткой вцепился в ее ворот. Откуда только взялась такая сила в детских руках!

— Да посмотри же ты на меня! — истукпленно закричал он, тряся ее. — Разуй глаза! Твой сын прямо перед тобой! Хватит! За столько лет пора бы уже и наиграться в свое безумие!

Женщина замерла, бессмысленно глядя на него.

Кон Цзяцзы замялся, собираясь тихонько выскользнуть за дверь, но резкий окрик принца заставил его замереть на месте:

— Стоять! Останься и посмотри. Давай вместе поглядим, до каких пор эта женщина собирается разыгрывать сумасшедшую!

Возразить слуга не посмел. Он молча притворил дверь и встал за спиной Му Юаньюня, со смесью жалости и страха глядя на то, как в мальчике борются жгучая обида и гнев.

— Стояла... Ты просто сбежала в это свое безумие! Меня подставляли, надо мной издевались, меня топтали в грязи, а тебя ни одного дня не было рядом! Ни разу ты не заступилась за собственного сына!

Му Юаньюн до белых костяшек стиснул пальцами шелк ее платья. Говорил он негромко, почти шепотом, но в этом шепоте сквозила лютая, вьевшаяся в самую кровь ненависть.

В груди у Кон Цзяцзы защемило от чужой боли.

— Впрочем, ладно, — Му Юаньюн вдруг разжал пальцы и устало отшатнулся, словно вся ярость мигом вылетела из него, оставив лишь пустоту. Он криво усмехнулся: — Сходи с ума дальше. Муж от тебя отказался, теперь и сын умывает руки. Слышишь? Я никогда, слышишь, никогда больше не признаю в безумице свою мать!

Кон Цзяцзы не выдержал:

— Ваше Высочество!

Принц резко обернулся. Только теперь Кон Цзяцзы разглядел, что лицо мальчика залито слезами. Но он при этом кривился в страшной, вымученной улыбке.

— Ну чего тебе? — спросил он со злой усмешкой.

Он ткнул пальцем в сторону Кон Цзяцзы:

— Осуждаешь меня, да? Думаешь, я тварь неблагодарная, раз так измываюсь над родной матерью? А она? — Он резко перевел палец на застывшую женщину. — Она хоть раз вспомнила, что у нее есть сын? Хоть раз была мне матерью? Да, ей больно, ей тяжело, у нее, видишь ли, горе! А кому здесь легко? Скажи мне, кому в этом проклятом дворце не сладко живется?! Кто здесь не страдает?!

Он прерывисто вздохнул и продолжил:

— В её мыслях только её ненаглядный император! Ради него она готова с ума сходить, ради него готова сдохнуть! А мне в её сердце хоть капля места досталась?!

Му Юаньюн отвернулся, брезгливо избегая взгляда матери.

— Раз уж тебе так мила эта роль, то оставайся безумной до конца своих дней во дворце Биюань.
— Он глубоко вздохнул, сглатывая слезы. — Клянусь именем Му Юаньюня: отныне между нами все кончено. Нет у меня больше матери.

— Сынок! — вдруг раздался дикий, истошный вопль.

Женщина рухнула на колени и мертвой хваткой вцепилась в подол его халата.

— Сынок... сыночек мой... не уходи... не оставляй меня!

Му Юаньюн замер, вытянувшись в струну. Слезы безостановочно катились по его щекам, но он зажмурился, продолжая дико и неестественно улыбаться.

— Что, надоело притворяться? — тихо спросил он, не открывая глаз.

У Кон Цзяцзы болезненно сжалось горло. Смотреть на это было невыносимо.

А тринадцатый принц все улыбался — широко, отчаянно, будто праздновал победу.

Наложница И словно окаменела. Вся её былая истеричность, весь безумный надрыв мигом сошли на нет, оставив на лице лишь глухую маску ужаса. Она тупо моргнула, словно не расслышала:

— Сынок... о чём ты говоришь?

— Что, не хочешь продолжать спектакль? — Му Юаньюн резким движением сбросил её ладони со своего подола.

Слезы еще блестели на его щеках, но он медленно опустил перед матерью на корточки. Протянув руку, он коснулся её щеки, измазанной в какой-то пыли.

— Мама... позволь мне назвать тебя так в последний раз. Ты разыгрывала это сумасшествие столько лет. Неужели сама не устала?

«Да уж, бедолага этот тринадцатый принц, — раздался в голове сочувственный вздох Наставника-эльфа 311. — Отец знать его не хочет, матери плевать. Вроде и кровь императорская, а жизнь хуже, чем у бездомного оборванца...»

Слова эльфа невольно разбредили старые раны. Перед глазами Кон Цзяцзы вдруг возник образ покойного приемного отца — грубого, вечно пьяного старика. В памяти ожили его иссохшие, тяжелые как камни кулаки, раз за разом опускавшиеся на лицо мальчика, и отвратительный, площадной мат, свистевший над ухом.

Он зажмурился, спасаясь от нахлынувшего кошмара. На миг ему показалось, что он снова там — в гнилой полуразвалившейся лачуге, где его безнаказанно пинали и поливали грязью. Вспомнил, как валялся в полубреду на прелой соломе, умирая от лихорадки, как выплакал все глаза от боли и страха, но никто во всей поднебесной даже взгляда жалости на него не уронил.

Тогда-то, задыхаясь от собственной немоги, он стиснул зубы и поклялся себе: больше ни одна слезинка не покатится из его глаз.

«В этом мире простолюдин дешевле бродячей собаки. Но даже так — нужно выжить. Сцепить зубы до хруста и выгрызть свое право дышать»

Му Юаньюн так и не дождался ответа. Женщина молчала. В его облике проступила горькая безнадежность, которая, впрочем, тут же сменилась странным умиротворением — словно с его плеч наконец спал непосильный груз.

Вернувшись в свои покои, принц молча сел за стол и невидящим взором уставился на разложенную бумагу, тушечницу и кисти.

Кон Цзяцзы порывался сказать что-то утешительное, но нужные слова никак не находились. Да и что он мог смыслить в таких делах? Сам ведь еще мальчишка, в житейских вопросах разбиравшийся куда хуже невидимого Наставника-эльфа. Вся его «мудрость» была лишь горьким плодом сиротства и вечной борьбы за кусок хлеба — наносная, вынужденная зрелость того, кто привык притворяться сильным, чтобы не забили до смерти.

— Слушай, Кон Цзяцзы, — глухо нарушил молчание принц, — я ведь так и не спросил... Почему тебя зовут именно так? Из-за того, что ты сын рода Кон?

Кон Цзяцзы удивленно взглянул на хозяина. Похоже, тот действительно немного успокоился и решил отвлечься от тяжелых мыслей.

— Всё так, Ваше Высочество, — послушно ответил слуга. — Я последний из выживших сыновей опального рода Кон. Старик, который подобрал меня, так и звал: Кон Цзяцзы — отпрыск семьи Кон.

— Клан Кон? — принц на миг оживился, в его глазах промелькнуло удивление. — Неужели тот самый?

Об этой истории Му Юаньюн, конечно, слышал. Нынешняя Вдовствующая императрица, Кон Цинлянь, происходила как раз из этого семейства. В свое время род Кон гремел на всю империю, купаясь в лучах славы и могущества, пока не грянул гром государственной измены. С тех пор от бывшего величия не осталось и следа, а сама Вдовствующая императрица затворилась в своих покоях под предлогом служения Будде и почти не показывалась на глаза двору.

Кон Цзяцзы молча кивнул. На его лице не отразилось ни тени сожаления — к сгинувшему роду, которого он даже не помнил, мальчик не испытывал ровным счетом ничего.

— Надо же... — Му Юаньюн покачал головой и горько усмехнулся. — Все твердят про величие императорской родни, а на деле... Выходит, сама судьба нас с тобой свела. Моя мать ведь тоже из побочной ветви рода Кон. Если рассудить, мы с тобой даже дальние родственники.

Кон Цзяцзы от таких слов перепугался и поспешно бухнулся на колени:

— Что вы, Ваше Высочество! Вы столь благородны, а я лишь ничтожный слу...

Но принц не дал ему договорить, раздраженно отмахнувшись:

— Благороден? Пф-ф, тоже мне.

Он силой потянул Кон Цзяцзы за рукав, заставляя подняться с колен.

— Ладно тебе, встань. К слову сказать, я сегодня тебе жизнь спас. Ты ведь и так от природы лишен мужского естества, а этот старый лис всё равно приказал оскопить тебя по всем правилам. Ясно же, что хотел со свету сжить под благовидным предлогом. Евнухи — народ мстительный и коварный. Раз уж ты перешел ему дорогу, он так просто не отвяжется. Не вышло сейчас — придумает что-нибудь еще.

— Так что с тебя причитается, — принц вдруг весело прищурился и рассмеялся, совсем как обычный мальчишка, ожидающий заслуженной похвалы за хорошую шалость.

<http://bllate.org/book/18226/1752534>